

# Он пел везде, кроме Гренландии

Вет. Москва —  
1999 — 14 сент. 05

**Тенора — некоронованные короли оперного мира. К этой славной плеяде относится и солист Большого театра Бадри Майсурадзе. «Вокально-безупречным тенором» назвали его критики этой весной после дебюта в Ла Скала, где он выступил в партии Андрея в «Мазепе» П. И. Чайковского. Четыре года назад Бадри дебютировал на московской сцене в премьерной концертной постановке «Лючии ди Ламмермур» Г. Доницетти (Эдгарда), в том же сезоне стал участником еще одной премьеры — «Травиаты», в которой исполнил роль Альфреда, затем в его репертуар вошли Радамес в «Аиде», Поллион в «Норме», Ричард в «Бале-маскараде», Каварадосси в «Тоске». Но Большой — далеко не единственный театр, предоставляющий Майсурадзе свои подмостки.**



Бадри Майсурадзе с Элизабет Бёрн (Манон) в спектакле Канадской национальной оперы «Манон Леско»

Анна ГАЛАЙДА

— Бадри, ваш стремительный профессиональный взлет впечатляет не только меломанов. Вы не считаете себя счастливым?

— Считаю. Мне действительно повезло. Но если посмотреть объективно, я был неплохо подготовлен, и не только для оперы. За плечами театральный институт, учеба у великих мэтров — Михаила Туманишвили и Дмитрия Алексидзе. Параллельно я окончил консерваторию в Тбилиси у профессора Белуашвили, стажировался в Большом театре у Зураба Соткилавы.

— Грузия известна своими музыкальными и театральными традициями.

— И в этом я счастливый человек. Вокруг меня все любили музыку. Мама недолго пела в опере, потом в оперетте, а сейчас преподает вокал в институте. Бабушка профессиональной певицей не была, но солировала в опере у очень известного в Грузии

хормейстера Кавсадзе. Брат тоже пел, хотя сейчас и бросил это дело. Моя жена Элисо Чиракидзе — концертмейстер. Она окончила консерваторию в Тбилиси, потом стажировалась у Важи Чачавы в Московской консерватории. Раньше мы часто вместе концертировали, сейчас она помогает мне в качестве менеджера. Дядя моей супруги Отар Такташвили — композитор, классик грузинской музыки. Был министром культуры Грузии. Тесть — академик, доктор химических наук — заядлый меломан. Зарубежные родственники присылали ему редкие записи, которых у нас просто не было. В советские времена корифеи со всей страны стремились в его дом, чтобы послушать коллекционные записи.

У нас постоянно собирались гости. Мы жили рядом с городским парком, на первом этаже. Окна, двери всегда были распахнуты настежь — так было принято. И люди, которые гуляли в парке, подходили, слушали, просили спеть какие-то песни.

Но в детстве я был совсем несча-

стлив — меня заставляли заниматься музыкой. Полтора года по телевидению каждый день шла передача, в которой я пел. И каждый вечер приходилось учить что-то новое. Так что в конце 70-х я был в Тбилиси самым раскрученным певцом. Нельзя сказать, что я страдал, но выступал без охоты. Это было мучение — надевать шорты и бабочку! Зато мне платили. Помню, как на мои деньги родители купили проигрыватель.

— Поэтому вы и предпочли лавры тенора карьере кинозвезды?

— В Тбилиси меня в первую очередь знали как киноактера. Я снимался у Георгия Шенгелая, Михаила Чиатурели, Давида Шенгелидзе... Все эти фильмы получали какие-то призы на кинофестивалях. Параллельно работал у Туманишвили в Театре киноактера.

— Для вас не стало неожиданно приглашение сразу на главные партии в Большом театре?

— Я и в Тбилиси начал с ведущего репертуара. А в Москве, мне кажется, любят грузинских певцов, особенно

В детстве Бадри Майсурадзе был совсем несчастлив — его заставляли заниматься музыкой

теноров. Здесь привыкли к южным голосам Зураба Анджапаридзе, Давида Ангуладзе, Зураба Соткилавы. И я счастлив, что меня сразу приняли и полюбили. Я не русский, но ощущаю магию Большого театра.

— Вы продолжаете много выступать за границей. Куда едете с наибольшей радостью?

— Недавно в концерте меня так объявили: «Он пел везде, кроме Гренландии — потому что в Гренландии оперного театра нет». Это громко сказано, но я действительно пел на всех континентах — в Африке, Австралии, Америке, Азии и Европе, конечно. Однажды купался сначала в Атлантическом океане, а через полчасика — в Индийском. Жил тогда на пересечении двух океанов, в Кейптауне. Дело в том, что в Австралии я начинал, много пел там, и для меня эта страна очень дорога. Без всякой скромности скажу, в Австралии я — звезда. Оттуда даже в Москву присылают мне какие-то опросы, анкеты, интересуюсь моим мнением по самым разным темам. И если мой австралийский контракт совпадает с каким-нибудь еще, это целая трагедия, потому что меня ни за что не хотят отпустить даже в Ла Скала. Хотя для меня главное не то, где и что петь, а с кем. Окружение очень многое решает.

В Кейптауне, скажем, часто выступают те же певцы, что и в Метрополитен-опера. Комфортнее себя чувствую, когда со мной родные люди: я земной человек, и дом для меня на первом месте.

— Интересно, что певец вашего гастрольного диапазона может вкладывать в понятие «дом»?

— Я счастливый человек: у меня двое детей. Сын настоящий вундеркинд. Я вырос в театре — постоянно



С Мстиславом Ростроповичем на репетиции «Военного реквиема» Бриттена в Москве

бывал на спектаклях, знал весь репертуар оперы, оперетты, Театра имени Руставели. И сейчас с удовольствием смотрю спектакли. Но не могу назвать себя большим театралом. А вот мой сын — настоящий театрал. Ему это, наверно, передалось от моего тестя. Когда он приезжает из Тбилиси в Москву, с утра до вечера пропадает в театрах. А вот дочка Анечка — наша гордость и наша боль, потому что растет без нас. С пяти лет она пошла в школу и сейчас — лучшая ученица в младших классах. Играет на фортепиано, говорит по-английски. Приходит домой и сразу за уроки. Для меня это удивительно: когда я возвращался из школы, сразу бежал во двор.

— Что же вас заставило бросить любимых детей, красивейший город и поехать в Москву, где зимой холодно, осенью грязно, летом жарко и негде жить?

— Не только я — люди умнее, интереснее, талантливей меня уезжали, уезжают и будут уезжать, пока у нас не будет все улажено. Но я не оставляю своей родины. Не так давно пел там с Мариной Мещеряковой, замечательным человеком и уникальной певицей, и Ирой Чистяковой, прекрасной меццо-сопрано, фрагменты из «Нормы». Нас фантастически принимали, потому что нечасто в Грузии выступают солисты Большого театра, за исключением Маквалы Касрашвили и Зураба Соткилавы. Люди буквально стояли друг на друге. Я был очень рад, потому что почти шесть лет не пел в Тбилиси. Мне очень хотелось показать тех, с кем дружу и пою. В Грузии очень важно, с кем ты дружишь.

— В бесконечных переездах вам удается сохранить верность своим национальным традициям, например грузинской кухне?

— Можно петь в Ковент-Гардене или Ла Скала и питаться только спагетти. Это не для меня. Где бы я ни

находился, стараюсь не изменять грузинской кухне.

— Видимо, она очень полезна для теноров, коли в Грузии такие чудные голоса.

— Да, на голос влияет все — и пища, и вода, и солнце. Видимо, потому что я путешествую из одного конца мира в другой, я совершенно опух: организм запутался в часовых поясах. Каким только способом поухудить мне не предлагают! Верю только в один рецепт: больше ходить пешком и тренироваться. Я так и перед стажировкой в Большом театре поухудел на 56 килограммов.

— Говорят, тенор — не профессия, это — диагноз.

— Тенор всегда считался голосом уникальным. С другой стороны, больше всего странных, мягко говоря, людей среди теноров. Некоторые считают, что все время берешь высокие ноты, идет вибрация, которая воздействует на организм. Мне кажется, что особенности нервной системы теноров рождаются вместе с голосом. Но меня пока никто ни в каких отклонениях от нормы не упрекал.

— Герои тенора — всегда романтики с необыкновенными страстями.

— В драматическом театре и в кино я начинал романтичным героем. Такая была у меня внешность. Но когда писал лирические стихи, выходили они юмористически. Поэтому я стал думать, что с романтикой покончено. Сейчас сталкиваться с романтикой в опере мне сложно, потому что внешность у меня далеко не романтическая.

— Мне всегда казалось, что в опере голос заменяет видеоряд.

— Может быть, вы и правы. Ловлю себя на том, что все-таки душа у меня романтическая. Моя лучшая партия, как мне кажется, — романтическая, трагическая — Де Грие в «Манон Леско»...